

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ МОЛОДЁЖИ БРЯНЩИНЫ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Человеку не дано выбирать время своей жизни. В окружающем его обществе уже существуют определённые политические и социально-экономические отношения, сложившаяся система нравственных и духовных ценностей, исходя из которых молодой человек, начинающий свой жизненный путь, вынужден определять своё отношение к окружающему миру и соответствующее поведение.

Те, кто ещё в юности сознательно принимает существующие отношения и общественные нормы поведения как вполне адекватные, в перспективе имеет наибольшие шансы достичь определённых успехов в разных сферах деятельности.

Многие просто приспосабливаются к существующей общественной системе, принимая её приоритеты не в силу убеждений, а лишь с учётом личной выгоды. Порой эти люди делают удачную карьеру, могут иметь материальный достаток, но уважительного отношения к себе обычно не вызывают.

Наконец, всегда были, есть и, наверное, будут люди, которые обострённо воспринимают присущие обществу негативные стороны, пытаются протестовать против существующих несправедливостей, а наиболее решительные – вести борьбу за изменение всего уклада жизни, которая их окружает. В обычное время (за исключением периодов социальных потрясений) число таких людей невелико, а их личные судьбы часто трагичны, поскольку активная оппозиция властям неизбежно вызывает репрессивные действия государственных органов. Общественное признание приходит к ним с опозданием (порой посмертно), а для большинства не приходит вообще. Первоначально же эти лица обычно оцениваются с позиций правительственной пропаганды – как «преступники против Бога, царя и Отечества», «контрреволюционеры», «враги народа», «политические экстремисты» и т.д.

О некоторых оставшихся безвестными молодых людях Брянщины, которые были осуждены по политическим делам в 1946-1953 гг., и пойдёт речь дальше. Сразу оговоримся: здесь не рассматриваются молодые люди, осуждённые как пособники оккупантов (в том числе – незаслуженно обвинённые и наказанные), а также участники религиозных сект и группировок, в числе которых также были девушки и юноши.

По делам Брянского областного суда возраст этих «преступников» выглядел ко времени ареста так: от 15 до 17 лет – 7 человек, от 18 до 21 года – 13, от 22 до 26 лет – 8. Все они не успели оказаться в рядах защитников Родины в годы Великой Отечественной войны. Процесс их гражданского становления пришёлся на трудное послевоенное время.

Радость великой Победы и возвращения к родным местам, сознание исполненного перед Родиной долга определяли основное настроение не только бывших фронтовиков, но и большинства советских людей. Но праздничная эйфория быстро сменилась тяжёлыми послевоенными буднями. В первую очередь сказывались бедственные последствия войны и фашистской оккупации: гибель многих близких, уничтожение основной части производственной базы, жилья, социально-культурных учреждений, острая нехватка самого необходимого, в том числе и продовольствия (особенно в связи с засухой и неурожаем 1946 г.). Государство старалось помочь территориям, наиболее пострадавшим во время оккупации, в том числе – Брянской области, но масштабы помощи не могли покрыть всех нужд.

Однако были и другие стороны повседневной жизни, хотя и связанные с последствиями войны, но в целом определявшиеся политическими и социально-экономическими решениями партийно-государственных органов. Это и социальная неустроенность тысяч людей, искалеченных войной, и клеймо политической второсортности для ещё большего числа бывших военнопленных, насильно угнанных в Германию мирных жителей и просто для лиц, находившихся в фашистской оккупации (а в это число на Брянщине попадали все, кроме бывших фронтовиков, партизан и немногих эвакуированных). Это низкая оплата за тяжёлый повседневный труд на производстве, особенно в колхозах; высокие сельхозналоги на подсобное хозяйство, бывшее необходимым условием выживания людей; неадекватные меры наказания даже за незначительные проступки (типа известного «указа о колосках»); обязательно-принудительная система подписки на государственные займы, отсутствие реального выбора при проведении выборов в высшие и местные органы власти и многое другое. Всё это с неудовольствием воспринималось большинством людей, пред-

почитавших, однако, молчаливо мириться с существующим положением. Но были и обратные примеры, в том числе – среди молодёжи.

В 1946 г. подверглась аресту родившаяся в 1922 г. в селе Увелье Краснотарского района Анна Шлама, отец которой был арестован в 1937 г. и бесследно сгинул. Оказавшись на оккупированной фашистами территории и стремясь избежать отправки в Германию, девушка согласилась в октябре 1942 г. работать учительницей, а затем и заведующей школы в родном селе, продолжая заниматься этой работой до мая 1943 г. Однако не этот факт стал причиной ареста Анны, а её словесная несдержанность. Мотивировка вины арестованной встречалась в подобных делах достаточно редко – «клевета на партизан», которых А.Шлама называла «бандитами» и «грабителями». Первоначальный приговор был достаточно мягким – 3 года лишения свободы, но при повторном рассмотрении дела в том же 1946 г. срок наказания был увеличен до 5 лет.

В 1946 г. был арестован, а затем осужден на 7 лет лишения свободы комсомолец из с. Митьковка Климовского района Валентин Козьмин, 1928 года рождения, который в августе 1945 г. изготовил 5 листовок «антисоветского содержания» (здесь и далее используется терминология судебных дел) и расклеил их в с. Хохловке. Дело не раскрывает конкретного содержания листовок, но необычен тот факт, что написаны они были под влиянием дяди Валентина, Ивана Матвеевича Козьмина, вернувшегося с войны фронтовика, награждённого орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими боевыми наградами. Этот пример показывает, что, как когда-то Отечественная война 1812 г. и заграничные походы обострили у многих критическое отношение к российской действительности, так и Великая Отечественная война 1941-1945 гг. повлияла на политические настроения части фронтовиков. Сам И.М. Козьмин виновным себя не признал, но тем не менее был осуждён на 10 лет.

В том же 1946 г. был осужден на 5 лет рабочий Клиновского лесхоза из д. Балдовки Дмитрий Грибанов, 1929 г.р., написавший листовку, в которой призывал колхозников не подписываться на государственный заем, выступал против политики руководства ВКП(б).

В конце 1980-х гг., когда была издана книга А.Жигулина «Чёрные камни», люди узнали о созданной в конце 1940-х гг. в г. Воронеже организации КПМ (Коммунистическая партия молодёжи), участники которой были обвинены в контрреволюционной деятельности, а затем попали на Колыму. Но оказывается, на Брянщине нечто подобное (пусть и в меньших масштабах) было ещё раньше. В 1946 г. Юрий Иванов, 1928 г.р., комсомолец, окончивший 9 классов и начавший работать диктором По-

чепского радиоузла, нашёл единомышленников среди старшеклассников почепских школ и организовал группу «Союз друзей народа». Группа ставила целью организовать подпольную типографию, чтобы выпускать листовки «пораженческого содержания». Участники группы, по словам дела, «клеветали» на колхозный строй, на «условия жизни трудящихся в СССР», высказывались за допуск частной торговли и другие перемены. Ю. Иванов был осуждён на 7 лет, от 5 до 3 лет лишения свободы получили другие участники группы (как видим, в послевоенные годы приговоры были более мягкими, позже они стали значительно ужесточаться).

В той же Почепской средней школе имени Некрасова, где учился один из руководителей «Союза друзей народа» Виктор Дмитриев, в 1949 г. были арестованы старшеклассники Василий Пишелин и Виктор Барцевич, оба 1930 г.р., за изготовление и распространение листовок, в которых «клеветали на советскую действительность». Кроме того, в блокноте и дневнике В.Пишелина были обнаружены стихи и другие записи «антисоветского содержания». Оба они были осуждены на 10 лет лишения свободы и попали на Колыму.

В 1947 г. был арестован электромонтёр Хинельского спиртзавода (Севский район) Михаил Потарусов, 1926 г.р., который в день выборов в Верховный Совет РСФСР опустил в урну для голосования заранее написанную листовку «антисоветского повстанческого содержания», за что и получил 10 лет лагерей.

Такой же срок в том же году получил и токарь Брянского паровозостроительного завода в Бежице (так назывался тогда БМЗ) Юрий Медведчиков, 1928 г.р., который написал два письма «антисоветского содержания» и отправил их в партийные и советские органы. Кроме того, вина Юрия усугублялась «антисоветской агитацией» среди рабочих, «клеветой на руководителей партии и Советского правительства», призывами «к свержению Советской власти и уничтожению евреев». Нужно при этом иметь в виду, что приводимая в судебных приговорах терминология, как правило, воспроизводила те определения, которые записывались сотрудниками госбезопасности, проводившими следствие по подобным делам, и далеко не всегда соответствовала реальности.

Ту же меру наказания Брянский областной суд в 1950 г. определил для комсомольцев Сергея Башкевича, 1928 г.р., учащегося Московского химико-технологического техникума, и Станислава Коржикова, 1930 г.р., токаря Суражской фабрики «Пролетарий». Оба парня из рабочих семей были обвинены в создании в Сураже «антисоветской партии молодёжи, с задачей борьбы против советской власти путём ведения враждебной про-

паганды». Это обвинение было снято в том же году Верховным судом РСФСР, который определил, что Башкевич и Коржиков «ни в какой организации не состояли, такой организации вообще ... не существовало». Однако мера наказания была оставлена прежней, поскольку обвиняемые летом 1947 г. изготовили и расклеили около 15 листовок и воззваний «антисоветского содержания, в которых клеветали на советское государство, извращали советскую демократию, призывали население к борьбе против советской власти». Президиум Верховного Суда РСФСР в 1956 г. отмёл это обвинение, поскольку в приложенных к делу листовках авторы лишь призывали к борьбе с недостатками и произволом, допускаемым работниками местных органов власти. Из-за отсутствия состава преступления приговор был отменён, а Башкевич и Коржиков освобождены.

Среди тех, кого обвиняли в политических преступлениях, были и совсем юные ребята. Так, Пётр Пыленок из с. Верещаки Новозыбковского района после окончания 7 классов начал работать в местном колхозе и, по версии следствия, «в июле 1949 г. собственноручно написал и опустил в почтовый ящик с. Верещаки анонимную листовку, в которой в нецензурных выражениях оскорблял одного из руководителей партии и Советского государства» (речь шла об И.В. Сталине, но его имя, как правило, в делах не называлось. – В.К.), а также «содержались угрозы в адрес председателя Верещакского сельского совета». Виновым себя П.Пыленок не признал, заявив, что никаких листовок он не писал, но тем не менее был осуждён на 6 лет пребывания в детской исправительной трудовой колонии (к моменту совершения «преступления» ему не было и 16 лет).

Ещё моложе был учащийся 6-го класса Литижской школы Комаричского района Анатолий Елисеев, который «осенью 1950 г. написал анонимные письма антисоветского содержания, в которых высказывал разные антисоветские взгляды по отношению к Советской власти, одного из руководителей Советского правительства и большевистской партии, а также возводил клевету на советскую действительность» (стилистика цитаты соответствует тексту дела. – В.К.). Письма эти были направлены «в адрес одного из руководителей Советского государства» (возможно, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверника). Результатом стал арест и 7 лет лагерей (шёл 1951 г., когда приговоры по политическим делам стали значительно ужесточаться и применяться даже к несовершеннолетним).

В том же 1951 г. был арестован Александр Орлов, уроженец и житель д. Новое Каплино Жирятинского района, учившийся в Жирятинской сред-

ней школе и успевший к моменту ареста окончить 9 классов. По версии судебного дела, он «в ночь на 24 июня 1951 г. в райцентре Жирятино на базарной площади расклеил три листовки, в которых в злобной форме клеветал на советскую действительность и призывал к восстанию против советской власти». Кроме того, в ходе обыска у А. Орлова были обнаружены и изъяты его рукописи, в которых он «дискредитировал политику партии и советской власти и в клеветнической форме представлял условия жизни советского крестьянства». В изданной в 2000 г. работе В.И. Коваленко «Прошлое и настоящее Жирятинского края» есть некоторые дополнения и разночтения, связанные с судьбой А. Орлова, по сравнению с материалами судебного дела. В частности, местом, где родился и проживал «в маленьком домишке ... вместе с матерью» А. Орлов, названа деревня Старое Каплино (обе деревни с близкими названиями были соседними). «Рукописями», изъятыми при обыске, была тетрадь с записью стихов юного автора. А вот дата ареста и осуждения А. Орлова (1952 г.) в работе В.И. Коваленко указана неточно – осужден он был ещё в 1951 г. на 10 лет лагерей. Лишь в 1956 г., когда начался пересмотр подобных дел, А. Орлов был освобождён со снятием судимости и смог закончить школу, а затем и институт.

Особого внимания заслуживает относящееся к 1952 г. дело, связанное с учащимися Кокинского сельскохозяйственного техникума. В это время в стране стал раскручиваться новый виток репрессий, хотя и не очень афишируемый. Восстановление смертной казни как высшей меры наказания за политические преступления (в послевоенные годы до начала 1950 г. такой высшей мерой были 25 лет лагерей), «ленинградское дело» 1950 г. и довольно многочисленные его «отзвуки», арест в 1951 г. министра государственной безопасности В. С. Абакумова, разгром в 1952 г. Еврейского антифашистского комитета – вот лишь некоторые наиболее заметные эпизоды менявшейся в худшую сторону внутривнутриполитической обстановки. К ним нужно отнести и не получивший огласки в силу закрытого характера процесс над 16 юношами и девушками в возрасте 17-21 года, называвшими себя членами «Союза борьбы за дело революции», сфальсифицированно обвинёнными в террористических замыслах и приговорёнными к непомерно жестокому наказанию (трое – к расстрелу, остальные – к 25 годам лагерей).

В этой обстановке руководители Брянского областного управления госбезопасности, получив информацию об «антисоветских» проявлениях среди учащихся Кокинского сельскохозяйственного техникума, решили воспользоваться ею для подготовки достаточно громкого политического

дела. Главными обвиняемыми по делу должны были стать два наиболее уважаемых в Кокино человека – директор техникума Пётр Дмитриевич Рылько и его жена, преподавательница русского языка и литературы Нина Григорьевна Казанская. Оба они, «бывший троцкист» (по версии следствия) П.Д. Рылько и его жена-дворянка, якобы возглавляли контрреволюционную молодёжную организацию, созданную из учащихся техникума.

Вожаком молодёжной части организации был объявлен учащийся техникума Николай Колядный, 1931 г.р., из крестьян д. Буда-Корецкая Воронокского района, отец которого был раскулачен, а в 1937 г. репрессирован. Н. Колядный в мае 1950 г. на одном из занятий по литературе прочитал своё стихотворение «На пашне», в котором описывал, как женщины-колхозницы пахали землю на себе. Подобные факты в годы восстановления разорённого войной хозяйства были не редкостью (вспомним картину народных художников СССР братьев А.П. и С.П. Ткачёвых «Русское поле. Лихолетье»), но в заведённом позже деле будет утверждаться, что в этих стихах автор «в заострённой форме клеветал на колхозный строй в деревне».

В июне 1950 г. в общежитии и учебном корпусе техникума были расклеены 4 листовки «антисоветского содержания». Одну из них принесли П.Д. Рылько, который её изорвал, никуда об этом не сообщая. Но сведения о листовках дошли до курировавших техникум сотрудников госбезопасности, и те быстро установили их автора. Им оказался тот же Н. Колядный. Задержан был и другой учащийся техникума, Анатолий Сусленков, у которого также были найдены стихи «клеветнического содержания». «Плотно» работая с Н. Колядным, сотрудники госбезопасности смогли добиться от него признания, что он с начала 1950 г. «занимался организацией антисоветской нелегальной группы», основной задачей которой было «проведение враждебной работы, направленной на изменение политики советского государства путём распространения листовок и клеветы на советскую действительность». Согласно материалам дела, создаваемая группа должна быть «организационно-оформленной», со своим уставом и программой, «с выдачей членских билетов и взиманием членских взносов, которые в первое время должны быть израсходованы на приобретение пишущей машинки для изготовления листовок». Что здесь от «фантазий» самого Н. Колядного, что от «подсказок» допрашивавших его «товарищей» – вряд ли можно разделить. К характеристике личности Н. Колядного стоит добавить, что позже, находясь в лагере и стремясь, вероятно, облегчить своё положение, он писал в органы гос-

безопасности письма с клеветой на бескорыстно помогавших ему П.Д. Рылько и Н.Г. Казанскую.

Выявить сколько-нибудь значительную «антисоветскую организацию» в Кокинском сельхозтехникуме не удалось. Помимо Н.Колядного и А.Сусленкова, нашёлся повод для ареста ещё только одного учащегося – 17-летнего Василия Рыболова из д. Попсуйки Почепского района, который был обвинён в том, что он «предостерегал участников группы от раскрытия их ... деятельности ... и тайно изъяс блокнотные записи» у одного из учащихся, бывшего секретным осведомителем сотрудников госбезопасности (впрочем, виновным себя В. Рыболов не признал).

Но определённые «зацепки» в деле всё-таки имелись. Авторы «клеветнических» стихов посещали занятия руководимого Н.Г. Казанской литературного кружка, где поощрялась творческая самостоятельность – а это можно было интерпретировать как идейное руководство со стороны Н.Г. Казанской «политически вредным» творчеством кружковцев. Факт уничтожения П.Д. Рылько одной из листовок и недонесение об этом соответствующим органам также нетрудно было представить как желание препятствовать раскрытию политического преступления. К тому же, в биографиях отцов всех трёх арестованных учащихся были «тёмные пятна», но дирекция техникума, зная это, не приняла мер к отчислению их из учебного заведения, а главный «организатор группы» Н. Колядный даже получал постоянную материальную поддержку супругов Рылько. Не было забыто и то обстоятельство, что в предвоенные годы по политическим обвинениям были расстреляны два старших брата П.Д. Рылько и два дяди Н.Г. Казанской (бывшие сельскими священниками), а сам П.Д. Рылько в 1937 г. обвинялся в связях с троцкистами.

Руководству областного управления госбезопасности удалось убедить прокурора области в необходимости ареста П.Д. Рылько и Н.Г. Казанской, и соответствующий ордер был подписан. Однако вмешался первый секретарь Брянского обкома ВКП(б) А.Д. Бондаренко, который, получив доклад по этому вопросу, не согласился с представлением и немедленно направил комиссию обкома партии для проверки деятельности техникума. Комиссия во главе с заведующим отделом обкома партии И.И. Мартыновым, человеком принципиальным и порядочным, пришла к однозначному выводу: «Людей, подобных Н.Г. Казанской и П.Д. Рылько, следует не в тюрьмы сажать, а награждать самыми высокими орденами».

Так что создать громкое политическое дело, связанное с Кокинским техникумом, не удалось, но трое арестованных учащихся всё-таки получили в 1952 г. по 10 лет лагерей. Кроме того, было вынесено частное су-

судебное определение, что «руководство Кокинского сельскохозяйственного техникума и секретарь парторганизации Куликов Ф.П. проявили партийную близорукость в деле подбора контингента учащихся техникума и их политического воспитания», и «как следствие притупления бдительности в техникуме с 50 г. по 51 г. действовала антисоветская подпольная группа, ставившая своей целью изменение политики Советского правительства и возводившая клевету на советскую действительность». Не реагировать на это судебное определение было нельзя, так что строгие партийные взыскания П. Д. Рылько и Ф. П. Куликов получили.

Не рассматривая подробно другие молодёжные политические дела в Брянской области конца 1940-х – начала 1950-х гг., лишь перечислим, что среди осуждённых по ним были и не названные ранее авторы листовок (17-летние колхозники из с. Нивное Суражского района Кирилл Евдокименко и из с. Заборье Красногорского района Афанасий Ушаков), и авторы критических (квалифицированных как клеветнические) писем в адрес разных партийных и советских органов (комсомолец из д. Комягино Жирятинского района Семён Костилов, рабочие из п. Белые Берега Леонид Дмитриев и из п. Суходолье Жуковского района Валентин Терехов, колхозница из с. Басихин Стародубского района Анастасия Лопатко, злынковский рабочий Александр Данилов, колхозник из с. Щербиничи того же района Никита Сафонов, 17-летний клинцовский школьник Александр Некрасов). По последнему делу примечательно то обстоятельство, что за несколько месяцев до ареста А. Некрасова был арестован и осуждён на 10 лет лагерей его отец, член ВКП(б) Иван Никифорович Некрасов, одним из главных пунктов обвинения которого было слушание передач радиостанции «Голос Америки».

Последним из рассмотренных Брянским областным судом политических дел, относившихся к концу сталинской эпохи, было дело Анны Боровковой, 1927 г.р., из крестьян д. Глинск Трубчевского района, работавшей в артели инвалидов «Текстильщик» в г. Трубчевске. Она была обвинена в том, что в ноябре 1952 г. в общежитии артели «возводила клевету на руководителей Коммунистической партии и Советского государства и на условия жизни трудящихся», а 16 января 1953 г. во время проведения беседы с рабочими артели «допустила хулиганские действия, выражаясь при этом нецензурными словами, в результате чего беседа была прекращена», и вновь «клеветала на Коммунистическую партию Советского Союза и на одного из руководителей Советского государства». Расценив эти действия как «антисоветскую агитацию», суд 8 мая 1953 г. приговорил А. Боровкову к 10 годам лишения свободы. Однако в марте 1954 г. коллегия

Верховного суда РСФСР переквалифицировала действия А. Боровковой с политической статьи («антисоветская агитация») на уголовную статью («хулиганство»), снизила её срок наказания до 5 лет и применила к ней действие указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», освободив её со снятием судимости.

В 1955-1956 гг. такой пересмотр с применением амнистии был проведен и по другим ранее названным делам, и осуждённая по ним молодёжь была освобождена из мест лишения свободы.

Подводя итог, вряд ли можно утверждать, что действия всех перечисленных лиц были результатом осознанного сопротивления существующему в стране режиму, но они в определённой степени отражали пусть не преобладавшие, но тем не менее существовавшие в обществе (в том числе – среди молодёжи) критические настроения, связанные с реальными трудностями и проблемами послевоенных лет.

Источники и литература:

1. ГАБО, ф. 2213, оп. 8, дд. 8, 18, 22, 34, 46, 54, 69, 106.
2. ЦНИБО, ф. 9823, оп. 1, д. 1.
3. Жигулин А. В. Чёрные камни. – М., 1989.
4. Коваленко В. И. Прошлое и настоящее Жирятинской земли. – Брянск, 2000.
5. «Пока свободой горим...» (о молодёжном антисталинском движении конца 40-х – начала 50-х годов). – М., 2004.
6. Рылько Н. П. Как живой с живыми... – Брянск, 2006.